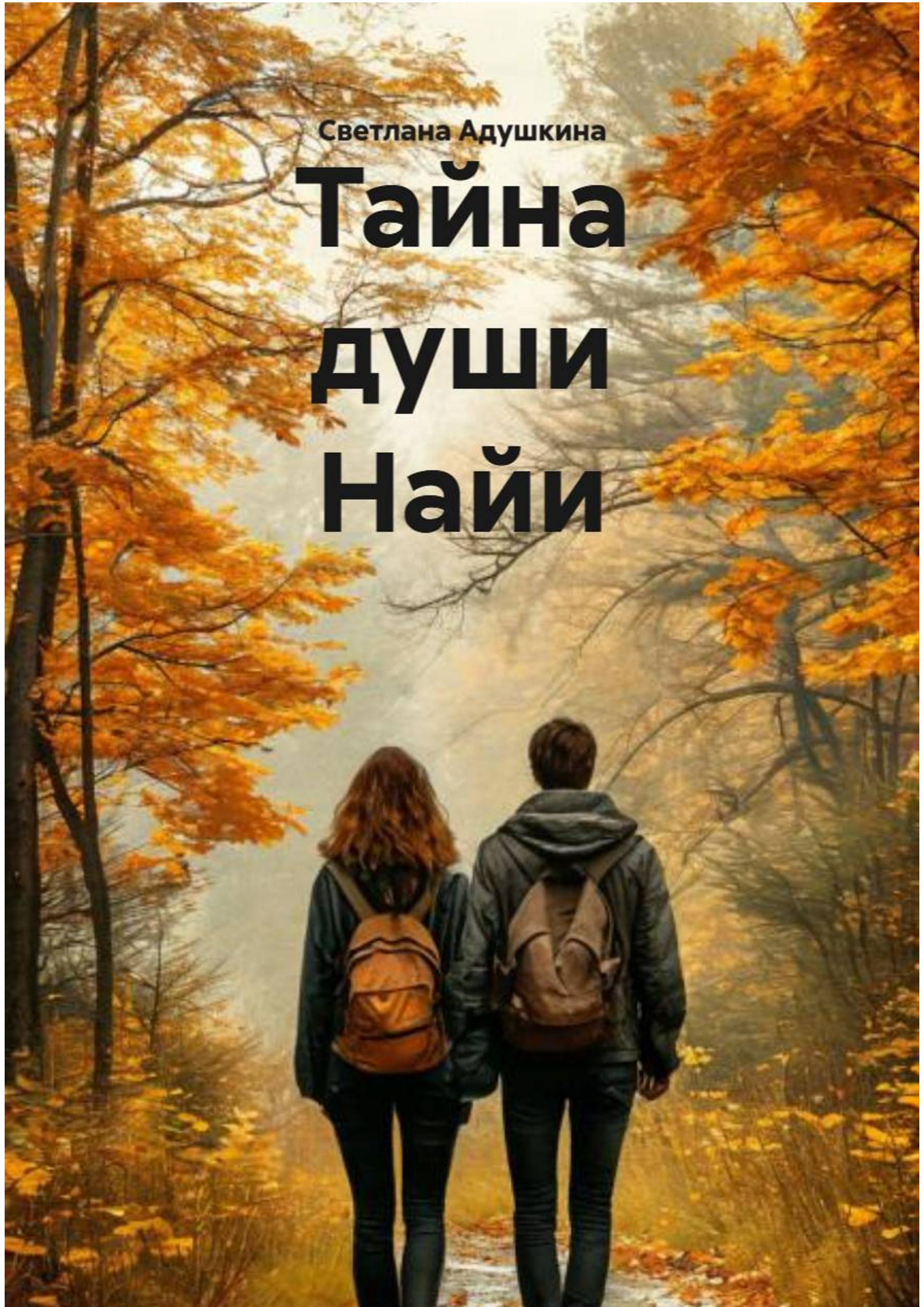

A romantic scene of a young couple walking away from the viewer down a path in a forest during autumn. The trees are covered in vibrant orange and yellow leaves, and the ground is also covered in fallen foliage. The couple is seen from behind, walking hand-in-hand. The woman on the left has long brown hair and is wearing a dark jacket with a bright orange backpack. The man on the right has short dark hair and is wearing a dark hooded jacket with a brown backpack. The overall atmosphere is peaceful and nostalgic.

Светлана Адушкина

Тайна души Найи

Светлана Адушкина

Тайна души Найи

«Автор»

2026

Адушкина С.

Тайна души Найи / С. Адушкина — «Автор», 2026

В мире, где всё стремительно меняется, а люди всё чаще проходят мимо друг друга, эта история — о том, как важно не упустить мгновение. О дружбе, которая не боится расстояний, и о памяти, способной сохранить самые хрупкие детали: тихий голос в трубке, случайную фразу, взгляд, в котором плещется нетерпение. Всего одно имя даёт старт истории, которую хочется хранить вечно.

© Адушкина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Адушкина

Тайна души Найи

Глава 1

*У каждой истории есть свое
начало и именно с этого момента я предлагаю открыть нашу.
Наивную, запутанную,
но именно поэтому такую увлекательную.*

Действия разворачиваются в приморском городке под названием Тенвал, но не будем торопить события и начнем наш рассказ издалека. Поэтому присаживайтесь, мы начинаем наше путешествие в прошлое

В окне героини горел свет маяка — одинокий страж в тёмной бездне, посылающий слабый, мерцающий луч в бескрайнюю тьму моря. Внутри царила тишина, лишь иногда раздавался тихий перезвон птиц. В этом свете ночи чувствовалась особая магия — смесь загадочности, надежды и уединения, словно маяк зовёт героиню к чему-то важному, скрытому за горизонтом. Комната окутана мягким сиянием огоньков и гирлянд, которые радуют её сердце и вновь вызывают в памяти те тёплые мгновения детства — время, когда мама рассказывала сказки в новогоднюю ночь, а под ёлкой таилась магия волшебства. Вот уже ночь уступает свои права утру, и звонит будильник. Найя без особого желания смотрит в окно, ожидая очередных неприятностей — тех бесконечных неурядиц, которые словно тени преследовали её всё время. Вся её жизнь казалась наполненной тревогами, словно вечный круговорот проблем. Старшая школа, экзамены и любовные истязания погружали в полное отчаяние, которое выворачивало её душу наизнанку. Только сон приводил за собой блаженное спокойствие, дающее долгожданную передышку. Но будильник вновь напоминает о себе, и Найя понимает, что уже пора выбираться из своей любимой и теплой кровати.

Сегодня должен состояться финальный экзамен, и оставалось немного времени на прогулку, чтобы привести мысли в порядок и настроиться на удачную сдачу. Погода встретила теплыми объятиями, шум волн ласкал слух и растворял все тревоги, встретившие её этим утром. Найя решила растянуть это удовольствие и присесть на берег, чтобы почувствовать аромат моря и полюбоваться проходящими кораблями. В тот момент к ней подошел ее лучший друг. Увидев до боли знакомую русую девчонку из окна, он решил не проходить мимо и предложил дойти вместе до школы. Реми подошёл к ней со своей фирменной улыбкой, которая никогда не оставляла Найю равнодушной. Его улыбка отзывалась в сердце теплом и радостью так искренне, что все невзгоды казались мелочами, уходили на второй план и становились совсем незначительными.

- Ну что, Найя, сегодня финальный. Ты готова?
- Честно говоря, не очень. Вроде все знаю, но сердце колотится как бешеное.
- Волнение — это нормально. Главное — дышать глубже и не допускать паники.
- Постараюсь. Может, после экзамена пойдем куда-нибудь? Надеюсь, дождь не начнется.
- Да, обещали хорошую погоду. А вдруг у тебя получится удивить всех и сдать на максимальный балл?
- Верю, что смогу. Просто нужно немного поверить в себя и не забывать, что не всё зависит только от этого экзамена.
- Вот именно! Главное — не бояться ошибиться. Даже если провалишь — ничего страшного, всегда есть шанс попробовать снова.

- Спасибо, Реми. Твои слова реально помогают настроиться. Ну что, идем? Экзамен уже не за горами.

- Вперед! Выложимся на максимум!

Дорога до школы не заняла много времени, и друзья сели в коридоре, ожидая начала. Через некоторое время все разбрелись по аудиториям, получили бланки и, взяв их в руки, приступили к решению заданий. Так и прошло несколько часов. После экзамена ребята вышли в коридор и начали обсуждать результаты, делясь впечатлениями. Гул голосов держался около часа, пока последний из одноклассников не закончил свой эмоциональный рассказ.

Как и говорил Реми, погода на улице была чудесной — золотистые лучи мягко касались кожи, пробивались сквозь облака и наполняли всё вокруг ощущением уюта. Тёплый воздух наполнял пространство ароматами цветов и свежей травы. Всё вокруг сияло ярче обычного, словно напоминая, что вот он — конец экзаменов, конец школы, начало новой жизни. Найя решила разбавить тишину и разделить моменты счастья с другом.

- Ну вот и всё, Реми, экзамены закончились! Чувствую, что прямо на крыльях от этого ощущения свободы.

- Да, точно, Найя! Наконец-то можно вздохнуть. И ведь впереди — целая новая жизнь.

- Представляешь, скоро всё начнется заново: поступление, выбор будущей профессии. Как будто двери открываются перед нами.

- А мне кажется, сейчас самое время немного расслабиться и подумать, чего действительно хочешь. Вся эта суета скоро уйдет, и останется только ты и твои мечты.

- Ты прав. Надо как-то подготовиться к этому всему. Столько впереди — интересно, какие сюрпризы нас ждут.

- Впереди у нас много всего: приключения, новые знакомства, возможно, даже любовь.

- Класс! Ну что, по традиции — пойдем праздновать? Или просто прогуляемся и подумаем, что дальше?

- Давай просто прогуляемся. Пусть этот день запомнится как начало чего-то большого и светлого.

Двое друзей отправились на прогулку, чтобы наконец прочувствовать этот момент. Они шли по узкой тропинке, ведущей через зеленый парк, где свежий воздух наполнял их лёгкие. Легкий ветерок шевелил листья деревьев, создавая спокойную музыку природы. Разговор между ними тек легко — они делились планами на лето, смеялись над забавными моментами и наслаждались простыми радостями. Реми шел рядом, и Найя внимательно разглядывала его, будто впервые. Он был высокого роста, чуть неуклюжий, с темными волосами, которые почти всегда казались немного растрепанными и нелепо уложенными, словно он сам не особо задумывался о причёске. Его глаза — голубые, насыщенные и полные любопытства, словно отражали гармонию и внутренний покой этого лесного мира. Поймав себя на мысли, что рассматривает друга слишком долго, Найя отвернулась и прошла дальше по тропинке, продолжая разговор, который не успели закончить. Так день подошел к завершению, Реми, как обычно, проводил свою подругу и, несмотря на прощание, навсегда сохранил этот момент в глубине своей души. Перед тем как каждый из них отправится на свою дорожку — новую взрослую жизнь.

Лето пролетело быстро. Реми проводил с Найей последние дни, он отправляется первым, оставляя нашу героиню в одиночестве, чтобы она могла обдумать свои дальнейшие планы и будущее. В этом моменте чувствуется грусть и надежда, переплетённые в тишине уходящего сезона. Рано утром самолет унёс остатки её детства, отрезвляя разум и вызывая необходимость выбора пути. Следом за ним отправилась и она — впереди лишь чистый лист, новая глава, новая жизнь. Именно с этого момента разворачиваются события, полностью изменившие судьбу нашей героини.

Глава 2

Сентябрь подает последний аккорд лету. Воздух насыщен свежестью и легкой прохладой, золотистые листья начинают медленно опускаться с деревьев, создавая мягкий ковер на улицах и тропинках. Дни становятся короче, а солнце окрашивает небо в теплые оттенки — оранжевый, розовый, красный — словно прощание с теплом и яркостью прошедшего лета. Природа словно замирает перед предстоящим долгим тихим ожиданием зимы. В сентябре все кажется особенным — напоминанием о конце одного и начале другого, когда внутри всё еще живет лето, а душа уже тянется к уюту осени. Найя успешно поступила в вуз и переехала в новый для себя город. Несмотря на расстояние, она всё так же не забывала о своём друге Реми. Время от времени они созванивались, обменивались бесконечными сообщениями и делились всем — каждым событием, каждой мелочью, которая происходила вдали друг от друга. Эти разговоры становились для них мостом через разные города и судьбы. Казалось, расстояние не имело над ней власти: она оставалась такой же живой, такой же настоящей, как и раньше, будто между ними не тысячи километров, а всего лишь тонкая стена, сквозь которую можно шептать. Будто он обойдёт и увидит, как она морщит нос, когда задумывается; как заправляет прядь волос за ухо, будто это помогает сосредоточиться; как в прохладные вечера кутается в свой старый коричневый шарф, который, по её словам, «сочетается с её зелёными глазами».

Время шло быстро, и Найя стремительно влилась в новое окружение, воплощая свою внутреннюю искру. Она по-прежнему влекла, манила, не отпускала и беспощадно требовала внимания — напоминала о себе каждым движением и взглядом, не оставляя шанса на хоть каплю равнодушия. Так нашу героиню, мирно сидевшую на газоне, заметил другой студент. Он попросил своего одноклассника задержаться, чтобы хоть немного больше узнать об этой замечательной незнакомке. Молодой человек с короткими блондинистыми кудрями представился как Тео — у него были зеленые глаза, в которых сейчас плескалось нетерпение, и он хотел как можно скорее узнать имя нашей героини.

- Эй, привет! Я — Тео. А как зовут такую загадочную девушку, которая сидит тут одна?

- Привет, я — Найя. А ты что, шутишь или просто пытаешься меня подсмотреть?

- Ну, честно — и то, и другое. Не удержался, когда увидел такую красоту.

- Хм, интересно. А ты вообще студент или просто решил понапрасну экспериментировать с новыми подходами к знакомству?

- О, я — студент. Может, ты мне скажешь, как не потерять голову, сидя тут в окружении книг и учащихся?

- Ну, тогда тебе точно стоит выбраться отсюда и прогуляться. Меньше шансов потерять голову — больше шансов найти её.

- О, это звучит как отличный совет. Тогда — прогуляемся? Или ты считаешь, что лучше остаться здесь и искать ответы в книгах?

- Давай узнаем, есть ли у нас что-то общее — кроме этого случайного знакомства.

Найя решила дать шанс этому случайному знакомству — пусть оно проявит себя, раскроется как нечто прекрасное или, наоборот, так и останется стремительным увяданием, даже не успев расцвести. Тео разнообразил ее дни встречами и шутками, которые поднимали ей настроение. Время от времени Тео загадочно улыбался, показывая невероятные фотографии, которые он сделал за день, а Найя прислушивалась, погружаясь в его рассказы. Они шли по узким улочкам нового города, слушая музыку улиц. Иногда останавливались, чтобы полюбоваться закатом, окрасившим небо в багряный и золотой цвета, в тот момент казалось, что время замедлило свой бег. Прогулки становились всё чаще, и Тео не терял надежды стать ей ближе, роднее — чтобы между ними возникло настоящее тепло и доверие. Но Найя будто нарочно

игнорировала этот порыв, словно держала себя на расстоянии, не позволяя себе полностью раскрыться.

Она хотела бы впустить его в свой маленький мир, в котором с радостью исчезала сама. Но случайное знакомство не смогло завладеть её вниманием окончательно. Каждый раз она оставалась с надеждой найти нечто более дурманящее, что поглотит её полностью и безвозвратно. Так проходили дни: на привычные улыбки наша героиня отвечала холодно, словно намеренно отталкивая его. Каждая встреча погружала Найю в пучину раздумий, заставляя каждую клеточку души метаться в поисках ответов — тех, что она давно уже дала в своей голове, но не могла принять. Ее решение могло разочаровать и отдалить Тео, но она больше не хотела тешить его ложными надеждами — оставляя его рядом, она сохраняла внутреннюю тишину, чтобы не разрушить то редкое, что между ними осталось. Он понял, что находится на грани того, чтобы потерять её навсегда, и решил уступить — дать ей пространство и свободу, чтобы сама сделала выбор.

Середина октября, студенты собирались на ежегодный пикник, будто хотели напоследок ухватить ускользающее тепло. Осень уже хозяйничала в парке: ветер гнал по дорожкам ворохи листьев, а воздух был свежим и немного колючим. Найя пришла с опозданием, покрасневшая от быстрой ходьбы и ветра, в шарфе, намотанном в три слоя, и с пакетом, из которого соблазнительно пахло тёплыми булочками с корицей. Её тут же втянули в общий шум, укутали в плед, налили горячего чая, и уже через пять минут она смеялась вместе со всеми. Солнце било ярко, безжалостно подчёркивая её бледность: кожа казалась почти белой на фоне золотой листвы и тёмной земли. Но в этом контрасте была своя красота — как у статуи, вырезанной из холодного камня, но вдруг ожившей. Лучи скользили по её щекам, не оставляя загара, а лишь подчёркивая каждую деталь: лёгкий изгиб скулы, тень от пряди волос, едва заметные веснушки, которые в тени были невидимы, а на свету вспыхивали, как крошечные искры. Тео подошёл к пледу, где сидела Найя, как раз в тот момент, когда она в третий раз пыталась аккуратно разложить угощения — и в третий раз ветер норовил унести салфетку. Она прижала её ладонью, потом схватила пакет с булочками, будто он мог сбежать следом, и только тогда подняла глаза. Тео улыбнулся — просто, без пафоса, и присел рядом, не спрашивая разрешения, так естественно, будто это самое привычное действие. Найя на секунду замерла, а потом, будто вспомнив о гостеприимстве, торопливо подвинула к нему пакет: «Тут много, правда. Я вечно беру с запасом — кажется, что все ужасно голодные, а потом половина остаётся». Тео взял булочку с корицей, кивнул: «Спасибо, я как раз голодный». Они посидели немного, слушая, как ветер шуршит пожухлой травой и где-то рядом кто-то громко спорит, какую песню включить. Потом друзья позвали их играть в старую студенческую игру с карточками, и они встали почти одновременно, рассмеявшись от этой синхронности. И в этом смехе было что-то хорошее — будто неловкость на время покинула их.

Ребята достали другие настолки, и компания снова загудела, разбирая карточки и споря о правилах. Найя, порядком вымотавшись, тихо собрала свои вещи, стараясь не выглядеть виноватой. Тео молча встал вместе с ней и просто кивнул в сторону дорожки: «Провожу». По дороге Найя всё пыталась поймать нужное слово — то самое, которое объяснило бы, почему не может быть с ним полностью откровенной. «Знаешь, я», — начала она дважды и оба раза замолкала, потому что слово не находилось. Тео не смотрел на неё, а вместо этого пнул носком ботинка ворох листьев, рассыпав их по асфальту. «Ничего, — тихо сказал он, когда она не договорила. — Если потом захочешь — расскажешь». Найя кивнула, пряча взгляд, и в груди у неё стало одновременно легче и тяжелее: он не требовал ответа, но как будто всё равно его слышал. Они дошли до подъезда. Найя остановилась у двери, теребя в руках ремешок сумки, будто никак не могла решить, стоит ли ещё постоять минуту. Тео замер рядом, чувствуя, как этот момент начинает растягиваться — и как одновременно с этим он вот-вот рассыплется.

— Спасибо, что проводил, — сказала Найя, чуть улыбнувшись, но улыбка вышла немного виноватой, будто ей самой жаль, что так и не смогла с ним объясниться, рассказать причины ее переживаний и отдаления.

Тео кивнул, стараясь не выдать этого странного, колющего чувства: ему хотелось сказать что-то важное, но он не знал, как облечь это в слова, — и просто попрощался.

Едва дойдя до кровати, героиня с блаженным вздохом рухнула на неё, желая просто слиться с прохладными простынями и перестать чувствовать собственное тело, гудящее от усталости. Найя пыталась раствориться в темноте и тишине, но сожаление не давало ей покоя. Оно пульсировало где-то под рёбрами, острое и настойчивое: она так и не сказала Тео того, что на самом деле думала, и теперь это «не сказала» звенело в ушах громче любого крика. Мысли кружились всё быстрее, жадно, будто голодные птицы, и с каждым витком выклевывали из груди остатки спокойствия. И в какой-то момент среди этой суеты Найя вдруг увидела одну простую, но оглушающую истину: Тео ей не безразличен, он по-своему дорог. Но он никогда не сможет занять то самое место в её сердце — место любимого человека. В этом Найя теперь была абсолютно уверена, и от этой уверенности становилось не легче, а только тише и холоднее, будто кто-то медленно погасил в комнате все лампы. Она приняла эту истину. Не как поражение, не как победу — просто как факт. И, приняв его, уснула. Ей хотелось, чтобы ночь поскорее закончилась и наступил следующий день: пусть обычный, пусть ничем не примечательный, но уже без этой тяжёлой недоговорённости.

Утро началось с приятного осознания: сегодня выходной, можно куда-то не торопиться и наслаждаться утренним дождём, капли которого стучат в окно. Найя потянулась под тёплым одеялом, не спеша открыла глаза и улыбнулась самой себе — редкая роскошь просто быть и ничего не делать. Капли бежали по стеклу неровными дорожками, рисуя узоры, и в этом тихом ритме Найя чувствовала, как внутри понемногу тает вчерашняя тяжесть. Дождь всё так же тихо стучал в окно, город за стеклом жил своей мокрой, суетливой жизнью, а Найя, наконец собравшись с мыслями, почувствовала, что держать всё это в себе больше не хочется. Она достала телефон и быстро, пока не успела передумать, набрала сообщение Реми. В нём не было ни длинных объяснений, ни оправданий — только самое главное, сжатое до нескольких строк: «Вчера кое-что поняла про себя и Тео. Не хочу ничего решать прямо сейчас, но мне важно просто проговорить это с тобой. Если у тебя есть пять минут — поболтаем?». Ей не требовалось менять своё решение — она и так знала, что оно верное. Но услышать от Реми простое «да, я понимаю» было нужно, чтобы эта уверенность перестала быть хрупкой и стала по-настоящему её собственной. Друг не стал тянуть, и уже через минуту Найя увидела на телефоне поступающий звонок. Экран вспыхнул знакомым именем, и у неё внутри будто что-то тихо щёлкнуло на место — как ключ в родном замке. Она улыбнулась, хотя ещё секунду назад чувствовала себя потерянной, и тут же приняла вызов. «Алло?» — сказала она чуть тише, чем обычно, будто боялась спугнуть это внезапное чувство опоры. И, прежде чем она успела хоть что-то объяснить, Реми уже спокойно выдохнул в трубку: «Ты там? Рассказывай. Я тут. И куда не тороплюсь». И от этой простой фразы, от того, что ему не нужно было ничего объяснять, Найя наконец смогла сделать глубокий вдох.

- Реми, я поняла одну вещь. Я не хочу давать Тео шанс. Не потому что он плохой, а потому что это не моё.

- И это нормально. Правда.

- Мне так страшно было это признать. Как будто я отказываюсь от чего-то хорошего.

- Ты не отказываешься. Просто выбираешь честность. А честность всегда хорошая штука, даже если от неё сначала больно.

- Спасибо, что не пытаешься меня переубедить.

- Зачем? Ты сама знаешь своё сердце лучше всех.

- Наверное Ладно, не буду тебя больше грузить. Ты, наверное, хотел спокойно выходной провести.

- Я рад, что ты позвонила. Честно.

Реми кладёт телефон и идёт на кухню ставить чайник. Его руки чуть дрожат, но не от холода — это от того, как сильно он сдерживает свои собственные чувства. Он рад за неё. Потому что она не будет мучиться, притворяясь перед Тео. И потому что, хоть она и не видит в нём романтического героя, она всё равно приходит к нему со своими сомнениями. А это тоже своего рода доверие. И Реми будет его беречь

Весь оставшийся выходной Найя провела в домашних хлопотах, будто пыталась уместить в этих простых, повторяющихся действиях всю ту ясность, которая пришла к ней утром. Она перебирала стопку выстиранных футболок, аккуратно складывая каждую, и в этом тихом ритуале было что-то успокаивающее: чёткие линии, ровные края, никаких недоговорённостей. Потом она вымыла окна, долго оттирая упрямые разводы, и смотрела, как серый город за стеклом становится чуть прозрачнее, чище. И пока она двигалась по квартире, её мысли тоже постепенно выстраивались в ровный, понятный ряд. Она продумывала, как сообщить Тео о своём решении. Не чтобы причинить боль, а чтобы не причинять её потом. Лучше один неловкий разговор сейчас, чем месяцы недоговорённостей, где каждый шаг будет даваться всё тяжелее. К концу дня, когда все дела были сделаны, Найя не чувствовала себя победительницей. Она чувствовала себя готовой. Усталой, но собранной. Завтра она найдёт Тео. И скажет ему то, что должна. С этой мыслью она заснула.

Утром, заранее договорившись о встрече с Тео перед парами, Найя вышла на их привычное место. Она шла по знакомой дорожке, не заметив, как успела дойти до скамейки, села и тут же почувствовала, как холод пробирается сквозь ткань джинсов. Она поёрзала, пытаясь устроиться поудобнее, но холод был не только снаружи — он будто просачивался изнутри, делая каждое движение неловким. В голове снова и снова крутилось одно и то же: «Я не хочу давать тебе ложных надежд. Ты мне очень дорог, но не так». Тео появился ровно в назначенное время. Он улыбнулся, присел рядом, и на секунду Найя позволила себе просто посидеть вот так, рядом, не думая ни о чём сложном. Но эта пауза длилась недолго. Она глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие, и повернулась к нему.

- Тео, послушай я хотела поговорить с тобой не на бегу. Есть кое-что, что мне важно сказать.

Он сразу стал серьезнее, но не отстранился. Просто кивнул:

- Я слушаю.

- Мне важно, чтобы между нами не было недоговорённостей. Я долго думала и поняла: ты потрясающий. Seriously. Но я не вижу нас парой. Мои чувства к тебе — это не влюблённость. Это дружба, которая мне дороже любой фальшивой романтики.

Тео на секунду замер, а потом вдруг фыркнул, но не зло, а скорее над собой:

— Фух. А я-то уже начал придумывать, что ты собираешься переехать в другой город или сказать, что мы слишком много времени проводим вместе и тебе нужно личное пространство. Я уже мысленно составлял расписание, как буду скучать по нашим разговорам ровно с восьми до девяти перед парами.

Найя удивлённо моргнула:

— Правда? Ты об этом подумал?

— Ну, когда человек садится с лицом «сейчас я скажу что-то судьбоносное», мозг сразу рисует апокалипсис. А тут просто честность. Знаешь, это даже облегчает. Я, честно, тоже не был уверен, куда всё идёт. Боялся, что давялю.

— Значит, ты не расстроился?

— Расстроился бы, если бы ты сказала: «Давай попробуем, вдруг получится». Потому что я не верю в «вдруг». А вот в «ты мой друг» — верю.

Найя наконец выдохнула, и с её плеч будто свалился тяжёлый рюкзак.

— Тогда можем мы просто остаться теми, кем были? Без неловкости?

Тео протянул руку и легонько щёлкнул её по носу:

— Можем. И даже больше: я всё ещё буду покупать тебе латте. Но теперь официально — как друг, который знает, что ты без корицы не просыпaeшься.

Найя улыбнулась, и на этот раз улыбка получилась лёгкой, без тяжести.

— Договорились.

Они улыбнулись друг другу — теперь уже как друзья, без неловкости, без натянутых пауз, и эта улыбка легла на лица легко, будто всегда была такой. Найя наконец-то выдохнула, и вместе с этим выдохом ушла тяжесть, которая столько дней висела на плечах. Тео чуть подтолкнул её плечом, как делал всегда, когда хотел сказать: «Всё в порядке», и кивнул в сторону корпуса:

— Ну что, бежим? А то опоздаем, и профессор опять будет смотреть на нас так, будто мы лично сорвали ему лекцию.

Найя рассмеялась, и этот смех прозвучал свободно, без внутреннего напряжения. Они прибавили шаг, почти перешли на лёгкий бег, подстраиваясь друг под друга, как будто их утренний ритуал ничуть не сломался, а просто стал другим. И в этом было какое-то особенное тепло: мир не рухнул, пары всё так же начинались в девять, а рядом шёл человек, который теперь точно знал её правду — и всё равно остался рядом.

Глава 3

Дни складывались в недели, а недели — в привычный узор из пар, конспектов и кофе. Расписание диктовало ритм: встать, дойти, сесть, слушать, записывать, бежать на следующую пару. Иногда Найя чувствовала себя шестерёнкой в большом, немного шумном механизме, где у каждого было своё место и своя задача. Тео шутил, что их жизнь сейчас — это бесконечный квест: «Найди свободную аудиторию», «Выпей кофе за три минуты», «Пойми, что сказал профессор, пока он не стёр всё с доски». И Найя смеялась, потому что это было правдой. Но в этом квесте у неё был напарник, который знал все её слабые места и всегда был готов подставить плечо — или хотя бы поделиться ручкой.

— Официально заявляю: я превратился в ходячую энциклопедию с признаками переутомления, — объявил Тео, падая на стул рядом с Найей и роняя на стол стопку распечаток.

— Если меня потрясти, из меня посыплются термины.

Ребята усиленно готовились, но в какой-то момент подготовка перестала быть про знания и стала про выживание. Найя обнаружила, что может одновременно держать в голове три билета, пить кофе и вести с Тео бессмысленный спор о том, какой метод запоминания эффективнее: карточки или чтение вслух.

— Ты читаешь так, будто обвиняешь учебник во всех своих бедах, — заметила она, когда Тео в очередной раз драматично выдохнул после сложного абзаца.

— Потому что он и виноват! — возмутился Тео. — Он специально пишет так, чтобы мы страдали.

Они смеялись над собственной усталостью, и это помогало не сойти с ума. Когда Найя в десятый раз перепутала два похожих термина, Тео не стал её поправлять с видом строгого учителя. Он просто нарисовал на полях её тетради две смешные рожицы и подписал: «Это они, близнецы-вредители. Не путай».

И вдруг термин запомнился. Не из-за логики, не из-за повторения, а из-за этой нелепой картинки.

В день зачёта, когда Найя стояла перед дверью аудитории, чувствуя, как дрожат колени, Тео подошёл, встал рядом и тихо сказал:

— Помни про рожицы. Они просто близнецы. И ты точно знаешь, кто из них кто.

Найя закрыла глаза на секунду, выдохнула и кивнула.

— Спасибо. За рожицы.

Последний зачёт был сдан, нервы, трещавшие по швам, наконец-то перестали вибрировать, и вместо острой тревоги пришла мягкая, обволакивающая пустота — будто после долгого крика вдруг стало тихо, и эта тишина была самой лучшей музыкой.

Вместо шумного кафе они пошли к Тео. Его квартира пахла чем-то простым и уютным — старыми книгами, цитрусовым освежителем и чем-то ещё, что Найя не могла назвать. Тео достал из холодильника две банки газировки, которые держал «на особый случай», и протянул одну Найе:

— Официальное открытие праздничного вечера.

Найя открыла банку, и шипение пузырьков прозвучало как маленький салют. Они сели на пол, прислонившись спинами к дивану, и Найя впервые за долгое время просто закрыла глаза и ничего не делала.

— Я даже думать не хочу, — пробормотала она, не открывая глаз. — Ни про термины, ни про картинки, ни про то, что завтра надо будет разобрать сумку.

Тео хмыкнул:

— Договорились. Сегодня мы не студенты. Сегодня мы просто два человека, которые очень устали и очень рады, что всё позади.

Он включил какой-то старый комедийный сериал, который они когда-то начали смотреть и бросили на третьей серии, и они смеялись над шутками, которые раньше казались несмешными, потому что тогда у них не было на смех сил. А теперь были.

В какой-то момент Найя почувствовала, как её клонит в сон, и, не стыдясь, положила голову Тео на плечо. Он не пошевелился, только чуть подвинулся, чтобы ей было удобнее, и тихо сказал:

— Спи. Ты это заслужила.

И она уснула, впервые за много ночей без тревожного ожидания утра. С утра её поприветствовал всё ещё спящий Тео — со своими лохматыми кудряшками, смешно топорщившимися в разные стороны, и смешной футболкой с надписью «Я пережил сессию», которую он натянул накануне вечером, едва добравшись до квартиры. Найя тихо хихикнула, глядя на него, и осторожно присела на край дивана, чтобы не разбудить.

— Ты даже во сне выглядишь так, будто готовишься спорить с преподавателем, — прошептала она, но Тео только что-то невнятно буркнул, перевернулся на другой бок и натянул одеяло до самого носа.

На телефоне тем временем мигали несколько сообщений от Реми, который успел за это время потерять её из виду и теперь бомбардировал чат короткими, всё более тревожными посланиями: «Ты жива?», «Если ты не ответишь через минуту, я вызываю поисковый отряд», «Ладно, я шучу. Но хотя бы смайлик. Любой». Найя улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло: кто-то о ней беспокоится, кто-то ждёт от неё весточки, даже если это просто смайлик — пусть и за сотни километров. Она быстро напечатала: «Жива. Сiju и смотрю, как Тео спит как убитый. Мы это сделали. Никаких терминов до следующей сессии». Ответ прилетел мгновенно: «Ура. Значит, сегодня официально день без стресса. Я тут, если хочешь просто поболтать ни о чём. Или вообще не болтать — можем сидеть в звонке и слушать, как у тебя там город просыпается. А я буду пить свой утренний кофе и делать вид, что тоже с тобой». Она ещё раз взглянула на Тео, на его расслабленное, наконец-то не напряжённое лицо, и решила: пусть поспит ещё немного. А она посидит, ответит Реми, расскажет ему про эту смешную футболку и про то, как странно и хорошо сейчас — просто быть живой и свободной от конспектов.

Звонок с Реми оказался дольше, чем они планировали. Сначала Найя хотела сказать только «я жива, всё хорошо», но Реми тут же подхватил: «А теперь расскажи про Тео в этой футболке. В деталях. Мне нужно что-то, что не связано с лекциями». И она рассказала, и засмеялась, и вдруг поняла, что смеётся по-настоящему, без напряжения в плечах. Они мечтали, как хотят провести каникулы: Реми хотел сесть на поезд и ехать просто до конечной, без брони отелей и списков достопримечательностей, а Найя — провести неделю дома, в пижаме, с чашкой чая и сериалом, который можно смотреть по несколько серий подряд и не чувствовать вины.

— А ещё я хочу есть всё, что хочется, и не думать про «это можно только по выходным», — добавила она, подтягивая колени к груди.

Реми хмыкнул:

— Это уже звучит как отпуск мечты. Слушай, а если я всё-таки доеду до твоей конечной ну, чисто теоретически ты меня примешь? С чемоданом, с кучей историй и, возможно, с каким-нибудь сувениром, который в поезде навяжут?

— Приму. Даже если сувенир окажется магнитиком с надписью «Я выжил в плацкарте».

Они ещё долго обсуждали дурацкие шутки, которые в обычной жизни показались бы несмешными, но сейчас, когда напряжение наконец-то ушло, вызвали такой смех, что Найя боялась разбудить Тео. А потом Реми зевнул в трубку, и она поняла, что за окном уже совсем светло, а они болтают, как в те вечера, когда впереди не было ни зачётов, ни дедлайнов, ни страха не успеть

— Ладно, герой сессии, — тихо сказал Реми. — Иди попей воды, посиди у окна. А если Тео проснётся и спросит, куда ты пропала, скажи, что спасала меня от скуки.

— Скажу, — прошептала Найя. — Спасибо, что позвонил.

После пробуждения Тео они позавтракали остатками пиццы из холодильника — той самой, которую купили в день последнего зачёта и торжественно объявили «праздничным ужином». Тео ел её холодной и утверждал, что так вкуснее, а Найя смотрела на него и качала головой:

— Ты дурной.

— Зато я честный. И я наконец-то могу есть холодную пиццу, не чувствуя себя виноватым за отсутствие «правильного питания».

Они смеялись над этой ерундой, и смех был таким же лёгким, как воздух за окном. Потом Тео достал из кармана смятый листочек, развернул его и торжественно прочитал:

— «План на каникулы: 1. Не открывать учебники. 2. Выспаться. 3. Найти что-то хорошее в каждом дне».

— И как, уже есть пункт номер три? — спросила Найя.

— Есть. Это ты, которая не дала мне умереть от голода и заставила умыться.

Она фыркнула:

— Спасибо за высокую оценку. А у меня план ещё проще: сегодня я буду человеком, который не смотрит на календарь и часы.

Когда они вышли на улицу, город казался чуть ярче, чем обычно. Тео махнул ей рукой у остановки:

— Если вдруг станет скучно — звони. Можем даже просто сидеть в звонке и смотреть, как идёт дождь.

— Договорились, — улыбнулась Найя.

И они разошлись: Тео — в сторону парка, Найя — к своему дому.

Глава 4

Сначала Найя хотела заняться «правильными» каникулярными делами: разобрать шкаф, написать все отложенные письма, может быть, даже начать читать книгу, которую советовал преподаватель. Она даже достала список и написала сверху: «План на первый день каникул». Но, глядя на эти пустые строки, она вдруг почувствовала, как плечи снова наливаются тяжестью.

«Нет, — резко сказала она вслух, будто спорила с кем-то невидимым. — Сегодня я не буду правильно отдыхать. Сегодня я пойду туда, куда раньше не успевала». Парк, на который вечно не хватало времени, встретил её морозным воздухом, скрипом снега и ощущением, что она наконец-то делает что-то «непродуктивное» — и гордится этим.

— Официально заявляю: сегодня я трачу время впустую, — пробормотала она себе под нос, усаживаясь на скамейку (предварительно подстелив под себя сложенный шарф) и доставая из рюкзака бутерброд, который собрала на ходу. — И это лучший план за последние месяцы. Рядом пробежала собака, радостно волоча за собой поводок и оставляя на снегу цепочку следов, а её хозяин, красный от бега и мороза, извиняющимся тоном бросил: «Она считает, что мир создан для того, чтобы его обнюхивать!» Найя рассмеялась — просто так, без причины, и поняла, что давно не смеялась просто от того, что день хороший, пусть и холодный. Она ела бутерброд, пряча пальцы в варежки между укусами, смотрела на людей, которые шли мимо с совершенно разными целями: кто-то спешил домой, кто-то гулял, кто-то просто стоял и дышал морозным воздухом. И впервые за долгое время Найя почувствовала, что она — одна из тех, кто никуда не спешит. Реми прислал голосовое: «Ну что, ты там уже нашла самое красивое дерево? Или самое заснеженное? Или просто сидишь и думаешь: Наконец-то ни одного билета?». Она нажала «ответить» и тихо сказала в микрофон, стараясь, чтобы голос не дрожал от холода: «Я нашла скамейку. И она идеальна. Тут можно сидеть и смотреть, как мир живёт без меня ну, то есть, не без меня, а просто параллельно. И это приятно. А ещё тут снег такой пушистый, что хочется слепить снежок, но я боюсь, что рука замёрзнет». Реми в ответ прислал кучу смайликов и текст: «Завидую скамейке. Но рад, что ты её нашла. Расскажи мне про неё подробнее. Цвет? Вид на кусты? История (выдуманная)? Представь, что я там с тобой, только в очень тёплой куртке и с горячим какао». И Найя рассказала. Про то, что скамейка серая, местами покрытая инеем, но на спинке есть аккуратная царапина в форме сердечка, и про то, что с неё видно, как старушка в вязаной шапке кормит голубей, которые, по ее мнению, очень голодные, и про то, как смешно эти голуби толкаются за кусочек хлеба.

Закончив разговор с Реми, Найя ещё немного посидела, вдыхая морозный воздух. И тут изза заснеженной арки показалась Эва, ее соседка и однокурсница — в той самой смешной шапке с помпоном, которую она носила, по ее рассказам, ещё с десятого класса, будто это был её личный талисман, и с двумя стаканами горячего чая в руках.

— Я так и знала, что найду тебя здесь, — улыбнулась Эва, протягивая один стаканчик. — Ты всегда шла через этот парк, даже если опаздывала на первую пару. А сегодня у нас есть право не спешить. Мы официально на каникулах!

Найя рассмеялась, обхватив стаканчик замёрзшими пальцами:

— Спасибо. Это именно то, чего мне не хватало.

Они пошли по тропинке рядом, оставляя на снегу двойные следы. Сначала болтали о мелочах: о том, как странно звучит город зимой, когда снег глушит все звуки; о том, что теперь можно носить одну и ту же уютную толстовку три дня подряд и не чувствовать вины.

А потом Эва тихо сказала:

— Знаешь, я всё эти дни думала: если мы не сдадим, мир рухнет. А теперь понимаю, что он не рухнул. Он просто стал тише.

Найя кивнула:

— Да. И в этой тишине можно наконец услышать себя.

Они дошли до старой скамейки, стёрли с неё снег варежками и сели. Ветер тихонько шевелил помпон на шапке Эвы, а Найя вдруг почувствовала, что ей не нужно ничего доказывать. Рядом была Эва — та, которая видела её и в лучшие, и в худшие дни сессии, которая сама сидела ночами над учебниками и пила кофе так, будто это был последний глоток энергии.

— В следующие каникулы я хочу уехать куданибудь, где вообще нет снега, — внезапно сказала Эва, глядя на падающие снежинки. — Где можно ходить в шортах и есть мороженое на пляже.

Найя фыркнула:

— А я хочу провести неделю дома, завернувшись в плед, и смотреть старые фильмы. Без таймера, без «ещё пять минут и спать».

Эва улыбнулась, чуть наклонив голову:

— Договорились. В эти каникулы — просто дышать. А в следующие — мороженое на пляже.

Они сделали несколько селфи, где улыбки были чуть кривыми от холода, а глаза блестели не только от ветра, но и от того самого чувства — лёгкого, счастливого, когда понимаешь, что самое трудное позади. Потом Найя открыла чат с Реми и Тео и начала рассылать фото с короткими подписями. Реми получила фото, где Эва ловит снежинку: «Смотри, она верит, что если поймает одну особенную, сбудется желание. Я тоже верю. Пусть это желание будет про то, чтобы мы все нормально выпались в эти каникулы». Тео ушло фото их следов: «Это наши следы. Две цепочки, которые идут рядом. Мне кажется, это самое правильное, что мы сделали за весь семестр — не потерять друг друга в этой беготне». Через пару минут пришли ответы. Реми прислал сердечко и голосовое: «Вы такие живые на этих фото. Пусть этот день будет вашим». Тео написал: «Классные следы. Как будто доказательство, что вы реально существуете и не приснились мне во время подготовки к зачёту». Найя улыбнулась, спрятала телефон в карман и посмотрела на Эву:

— Знаешь, иногда кажется, что каникулы — это просто «нет пар». А на самом деле это когда можно остановиться, сделать фото и отправить его тем, кто за тебя рад.

Тропинка домой шла через самую глухую часть парка — раньше Найя этого не замечала. Днём тут было мило: сугробы как взбитые подушки, деревья в инее, будто из сказки. А в сумерках сказка съезживалась, становилась тесной и колючей. Снег уже не искрился, а лежал тяжёлым, серым одеялом.

— Знаешь, я сейчас бы всё отдала за автобус, даже если он будет битком и пахнет мокрой собакой, — пробормотала Найя, кутаясь в шарф так, что видны оставались только глаза.

Эва хотела пошутить в ответ, но не успела. Из-за поворота, прямо навстречу, вышли двое парней. Ничего откровенно пугающего: обычные пуховики, кроссовки, наушники на шее. Но шли они шумно, громко переговариваясь, и эта нарочитая громкость в тишине парка звучала как вторжение. Когда они поравнялись с девочками, один из парней замедлил шаг, скользнул по Найе взглядом — так, будто оценивал не человека, а что-то, что можно прокомментировать.

— Чего такие серьёзные? — усмехнулся он, чуть наклоняясь вперёд, словно хотел заглянуть Найе в лицо поближе. — Праздник же скоро. Улыбнитесь хоть. Найя почувствовала, как внутри всё сжимается в тугой узел. Ей хотелось стать невидимой, провалиться в сугроб, просто исчезнуть из этого угла тропинки, где вдруг стало слишком тесно. Она опустила глаза, уставилась на свои ботинки, будто там была написана инструкция, как выжить в этой неловкости.

А Эва не опустила. Она не стала ни грубить, ни заискивать. Просто спокойно, но твёрдо посмотрела парню в глаза — ровно, без вызова, но и без готовности терпеть:

— Мы торопимся. И не в настроении для разговоров.

Парень на секунду замер, будто не привык, что ему не подыгрывают, не смеются, не смущаются. Его ухмылка чуть сползла, стала неуверенной. Он переглянулся с другом, тот дёрнул его за рукав:

— Да ладно тебе, пошли.

Они прошли мимо, чуть задев плечами воздух рядом с девочками — не сильно, но достаточно, чтобы почувствовать их присутствие, их нежелание уступать дорогу. И когда шаги парней стихли за поворотом, Найя наконец смогла сделать нормальный вдох. Только тут она поняла, что всё это время почти не дышала.

— Прости, — тихо сказала она, всё ещё не поднимая глаз, а потом всё-таки посмотрела на Эву. — Я просто я не знала, что сказать. Я хотела, чтобы они просто прошли.

Эва не стала говорить «да ладно, ничего страшного». Она знала, что это не «ничего». Вместо этого она просто шагнула ближе и взяла Найю под руку, так, чтобы их локти плотно прижались друг к другу.

— Ты не должна была ничего говорить. Иногда самое правильное — просто хотеть, чтобы они ушли. И я рада, что я была тут, чтобы сказать это за нас обеих.

Они пошли дальше, теперь уже не так быстро, но и не медленно. Найя всё ещё чувствовала, как по спине ползёт неприятный холодок, но он уже не сковывал движения.

— Помнишь, в октябре мы боялись, что не поймём ни одного слова на лекциях? — вдруг сказала Эва, будто нарочно вытаскивала их из темноты тропинки в тёплый сентябрьский день. — А теперь смотри: мы сдали сессию. Мы гуляем. И даже если иногда встречаются такие типы, они не могут забрать у нас этот вечер.

Найя слабо улыбнулась:

— Они пытались. Но у них не вышло. Потому что ты не дала.

До дома оставалось всего ничего: ещё пара поворотов, потом выйти на оживлённую улицу, где горят витрины, ездят машины, и мир снова становится обычным, безопасным. У подъезда Найя достала телефон. Пальцы всё ещё чуть подрагивали, но она открыла чат с Тео и Реми и написала: «Мы почти дома. Тут было неприятно. Но мы в порядке. Эва была рядом». Тео ответил сразу: «Вы молодцы, что не стали ничего доказывать и просто шли дальше. Это тоже смелость. Напишите, когда будете в квартире. Хочу знать, что дверь за вами закрылась». Реми прислала короткое голосовое. В нём не было лишних слов, только его спокойный голос, который звучал так, будто он сидит рядом, а не где-то далеко: «Я тут. Если хочешь просто выговориться — расскажи всё, слово в слово. Если не хочешь — давай про что-нибудь совсем другое. Что тебе сейчас легче». Найя положила телефон на стол, не убирая его далеко — просто чтобы он был рядом. Потом сняла шарф, куртку, варежки, и каждое движение казалось каким-то особенно важным, как будто она сбрасывала с себя не только зимнюю одежду, а ещё и тот липкий дискомфорт, который прицепился к ним в парке. Эва уже грела чайник. Она не делала вид, что ничего не случилось. Но и не заставляла Найю снова это проживать.

— Давай без новостей и без умных мыслей, — сказала она, ставя на стол две кружки и банку с какао. — Просто какао, маршмеллоу и какой-нибудь глупый сериал, где никто ни на кого не смотрит так, будто хочет испортить тебе вечер.

Найя села на стул, подтянула колени к груди и вдруг почувствовала, как напряжение, которое держало её весь вечер, начинает потихоньку отпускать.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— За какао? — Эва хмыкнула, но в её глазах было понимание.

— Нет. За то, что ты не стала делать вид, что мне не было страшно. И за то, что не дала этому страху стать больше, чем он есть.

Эва кивнула, как будто это была самая обычная, самая правильная благодарность на свете.

— Всегда. Даже если это будет просто кто-то, кто слишком громко смеётся на лестнице. Я буду рядом.

И Найя поверила. Потому что сегодня она своими глазами увидела, как это выглядит, когда кто-то действительно стоит рядом. Не кричит, не бросается в драку, не делает из тебя героиню. Просто спокойно говорит: «Мы торопимся. Нам не до вас». И этим одним предложением отодвигает темноту на шаг назад.

Глава 5

Реми сидел, уставившись в одну точку на стене — в ту самую, где облупилась краска и пятно было похоже на карту незнакомого города. Только это был его город, его квартира, его комната. А Найя — в трёхстах километрах отсюда. «Триста километров, — повторял он про себя, будто если сказать это достаточно много раз, цифра перестанет быть такой огромной и злой. — Это четыре часа на поезде. Или пять, если с пересадкой. Или вообще никак, потому что сейчас полночь, и поезда не ходят». Он ненавидел это слово — «никак». Ненавидел, что единственное, что он может сделать, — это сидеть и ждать, пока она напишет ещё хоть слово. Он думал о том, как странно устроена взрослая жизнь. В детстве, если другу было страшно, ты мог просто прийти к нему во двор, сесть рядом на качели и сказать: «Я тут». И этого хватало. А теперь ты сидишь в другом городе, учишься, пытаешься выглядеть так, будто у тебя всё под контролем, и вдруг получаешь сообщение, от которого внутри всё сжимается.

«Неприятно».

Это слово было как маленькая, аккуратная дырочка, через которую из Найи вытекала вся её смелость. Она не хотела никого пугать. Она хотела просто сказать: «Мне было не по себе, но я справилась». И он должен был ответить так, чтобы она поверила: да, ты справилась. И да, тебе не нужно быть сильнее этого вечера. Он снова посмотрел на телефон, будто тот мог сам придумать за него правильные слова. Потом усмехнулся своим мыслям. Правильных слов не бывает. Бывают только настоящие. Он достал старую фотографию, которую Найя прислала ему в начале осени: она и Эва стояли на фоне золотой листвы, смеялись, шарфы развевались, и в их лицах было столько лёгкости, что казалось, будто все проблемы мира просто не могут до них добраться. Он сделал скриншот и отправил ей с подписью: «Помнишь этот день? Тогда казалось, что самое страшное — это опоздать на лекцию. Ты умеешь справляться. Но тебе не обязательно справляться с этим прямо сейчас. Я тут. Если хочешь просто выговориться — расскажи всё, слово в слово. Если не хочешь — давай про что-нибудь совсем другое. Что тебе сейчас легче». Когда она ответила одним словом: «Спасибо», он понял, что сделал всё правильно.

Тео по обыкновению сидел уперевшись на спинку дивана в своей квартире и читал сообщение Найи, пальцы сами сжались в кулак — не от злости, а от этого резкого, колющего чувства: как же хочется оказаться там, прямо на этой тропинке, и просто встать между ней и всем, что её напугало. Но он не мог. И поэтому он заставил себя дышать ровно, прежде чем начать печатать. «Ты дома. Ты с Эвой. Это самое главное. Прямо сейчас не надо ничего разбирать, не надо думать, что это было и почему. Пусть это останется где-то там, в парке, в темноте. А здесь — дом, стены, горячий чай. Если хочешь рассказать — я тут, буду слушать и не буду перебивать. Если не хочешь вспоминать даже слово — мы можем вообще про другое. Про то, как ты в октябре пыталась выучить двадцать терминов за час и в итоге запомнила только слово амортизация, потому что оно звучало как заклинание. Что тебе сейчас ближе?» Он перечитал сообщение, стёр, не решился, не отправил. Он обещал себе быть сильным, не давать ей повода и быть просто другом, нельзя позволять себе переходить черту. Это не то, что ей нужно, он должен не навязываться, а просто быть рядом, так как нужно Найе, а не хочется ему самому. И потом, чтобы не сидеть в тишине и не накручивать себя, открыл плейлист, который они собирали всей компанией ещё в сентябре, когда казалось, что взрослая жизнь — это сплошные вечеринки и кофе на бегу. Выбрал самую глупую, самую бодрую песню, которую терпеть не могли все, кроме Найи. Прикрепил её к новому сообщению: «Просто чтобы в голове не крутилось то, что там было. Пусть крутится вот это. Даже если только первые пять секунд». Когда через пару минут пришло от Найи: «Спасибо. Включила. Эва сейчас делает вид, что не слышит, но я вижу, она чуть-чуть качает головой в такт», Тео наконец-то смог нормально

выдохнуть. Не потому что всё стало хорошо. А потому что он сделал ровно то, что мог: не дал темноте прилипнуть к ней слишком крепко.

На следующий день Тео забрал Эву и Найю на прогулку, чтоб провести время вместе и максимально отвлечь от неприятных воспоминаний под предлогом того, что ему скучно и надоело сидеть дома. Разговор особо не клеился, но вытащить девочек из дома было его главной целью, пусть они и будут молчать, но зато девочки под его защитой, рядом. Реми смотрел на часы: в городе только-только начало темнеть. Он знал, что Тео сейчас, скорее всего, сидит в той самой кофейне напротив универа — той, где всегда пахнет корицей и где Эва тайком берёт второй кусочек чизкейка, когда думает, что никто не видит. Он открыл чат с Тео, пальцы чуть дрожали от усталости и напряжения. Реми: «Ты сейчас где? С ними?». Тео: «В кофейне. Эва делает вид, что читает, на самом деле листает мемы. Найя пьёт какао и почти улыбается. Пока держимся. Но я не знаю, как вести их домой. Там та самая тропинка» Реми сжал телефон. Мысль о том, что им придётся идти мимо места, где Найе было страшно, заставила его вскочить с кровати и начать мерить шагами комнату. Реми: «Не води их по той тропинке. Пусть будет в обход, даже если на десять минут дольше. Пусть это будет глупо, пусть они скажут Тео, ты с ума сошёл, но пусть они не будут там стоять. А я я могу быть тем, кто просто не даст ей думать об этом. Прямо сейчас. Я напишу ей что-то совершенно нелепое. Про кота, который пытался поймать своё отражение в зеркале и врезался в стену. Что угодно, лишь бы в голове не было этого неприятно». Тео: «Хорошо. Мы пойдём в обход. Даже если придётся обойти весь район. Тут я могу сделать что-то реальное. А твоё про кота — это тоже реально, Реми. Это звук, который перекрывает тишину. Держи её словами, пока я держу их руками. В смысле не руками, а просто рядом. Я провожу их до двери. Обещаю». Реми: «Спасибо. Просто мне так тяжело, что я не могу быть там. Но если ты там — мне чуть легче. Потому что я знаю: ты не дашь им идти по темноте». Тео: «Я тут. И я не дам. Напиши про кота. Прямо сейчас». И Реми сел, выдохнул и начал печатать для Найи: «Ты не поверишь, что сейчас случилось у соседей. Кот увидел своё отражение в стеклянной двери и решил, что это враг. Он разбежался и врезался. Прямо лбом. Хозяин сказал, что кот посидел, потёр голову и пошёл дальше, будто так и было задумано. Вот это уровень достоинства, которому стоит поучиться. Что думаешь?». Пока он ждал ответа, он думал: пусть Тео держит двери и улицы. А он будет держать её мысли. И вместе они не дадут темноте подобраться слишком близко. Исполняя намеченный план оба парня мысленно вернулись к дню, когда впервые услышали, почему Найя так боится навязчивого внимания незнакомцев.

Солнце уже садилось, но в парке ещё было светло — тот самый обманчивый свет, когда кажется, что день никуда не уходит, а на самом деле тени становятся длиннее и гуще. Найе тогда было шестнадцать. Она шла по аллее, слушала музыку в наушниках, подпевала про себя какой-то песне и думала только о том, что дома её ждёт пирог с вишней — мама обещала испечь. Она не сразу заметила его. Просто в какой-то момент почувствовала, что кто-то идёт рядом, слишком близко, будто специально подстраивается под её шаг. Она вытащила один наушник, и первое, что услышала, — не музыку, а его голос, нарочно громкий, нарочно развязный:

— Эй, красотка, куда летишь? Дай хоть пять минут полюбоваться.

Найя ускорила шаг. Не из страха — сначала из неловкости, из желания просто уйти от этого чужого, липкого внимания. Но он не отставал.

— Чего торопишься? У тебя вся жизнь впереди. Давай посидим, поболтаем. Ты такая яркая. Сразу видно — не как все эти серые мышки.

Каждое его слово звучало как насмешка, завернутая в комплимент. Найя сжала лямку рюкзака так, что пальцы побелели. Она посмотрела по сторонам: на соседней скамейке сидела пожилая женщина, уткнувшись в книгу; чуть дальше двое парней кидали фрисби. Все были рядом, и в то же время — никого. Никто не смотрел в их сторону. Никто не видел, что ей некомфортно.

— Я спешу, — тихо сказала она, не поворачивая головы. — Мне надо домой.

Он хмыкнул, будто услышал что-то забавное.

— Да ладно тебе. Пять минут. Просто скажи, где такие глаза берут? В магазине или это от природы?

И тут он сделал шаг ближе и протянул руку — не чтобы схватить, а будто хотел коснуться её волос, провести пальцем по прядке, которая выбилась из косы. Но Найя дёрнулась назад, и в этом движении вдруг проснулась паника: «Если он дотронется, я не буду знать, что делать».

— Не надо! — выпалила она громче, чем хотела, и голос сорвался.

А он вдруг рассмеялся, не зло, а как будто это была лучшая шутка дня.

— Ого, какая колючка! Ну, не злись. Я просто хотел посмотреть поближе. Ты же такая особенная.

Но в его «особенная» не было ничего хорошего. Это слово звучало как ярлык, который он на неё наклеил, и теперь она принадлежала этой ситуации, этому разговору, этому смеху. Незнакомец попытался резко схватить Найю за руку, но она помнила чему учил ее Реми, быстро выкрутила ее и сорвалась на бег. Не оглядываясь, не думая, просто ноги сами понесли её вперёд, мимо пустых скамеек, мимо кустов, туда, где аллея выходила к освещённой улице. Она слышала за спиной его смех, потом крик:

— Ну куда ты, не будь душой! Я же просто пошутил!

«Просто пошутил». Эти слова ударили её в спину, как толчок, и она побежала ещё быстрее.

Когда она наконец выскочила на улицу, где горели фонари и шли люди, она остановилась, прислонившись к стене магазина, и только тогда поняла, что плачет. Не от боли, а от того, как быстро мир стал чужим. От того, что её «не надо» прозвучало как каприз, а не как граница. От того, что она должна была оправдываться за то, что не хотела, чтобы к ней прикасались.

Глава 6

Следующий день Найя решила провести дома. Она сидела на подоконнике, смотрела, как снежинки прилипают к стеклу, и думала, что сегодня ей хватит просто быть. Эва ушла в магазин за чаем, Тео ушёл проверить, не перегорел ли фонарь на той самой тропинке, а Найя осталась одна, и эта тишина давила.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно. Она вздрогнула, но потом подумала: «Это Эва. Наверное, забыла ключи».

Она открыла, уже собираясь сказать: «Ты опять?» — и замерла.

На пороге стоял Реми. Мокрый от снега, с рюкзаком на плече, с волосами, прилипшими ко лбу, и с таким выражением лица, будто он только что пробежал десять километров, чтобы успеть сюда до того, как она снова начнёт бояться.

— Привет, — сказал он, чуть улыбаясь, но улыбка была нервной, дрожащей. — Я я просто подумал, что каникулы. И что я могу приехать. Если ты не против. Если тебе не кажется, что я ну, слишком.

Найя смотрела на него, и в груди поднималось что-то горячее, что грозило снова превратиться в слёзы. Но на этот раз это были не слёзы страха.

— Ты ты приехал, — повторила она, будто пробуя слова на вкус.

— Да. На поезде. Ехал почти шесть часов. Почти всю дорогу переписывался с Тео, чтобы не сойти с ума от мыслей: «А вдруг она не хочет меня видеть?» Но я не мог больше быть там, а ты — тут. Мне нужно было просто быть рядом.

Она не стала ждать, пока он договорит. Просто шагнула вперёд и уткнулась лицом ему в грудь, туда, где пахло вокзалом и чем-то родным, от чего хотелось наконец-то перестать сжиматься в комок.

— Спасибо, — прошептала она, крепко держа его за куртку. — Я не знала, что мне так нужно, чтобы ты просто приехал. Он обнял её, не отпуская, будто боялся, что если разомкнёт руки, она снова станет слишком далёкой.

— Я тут, — шептал он ей в волосы. — И я никуда не тороплюсь. Хочешь, мы просто посидим. Хочешь, ты расскажешь, если есть силы. А хочешь — я буду рассказывать тебе глупости, пока ты не улыбнёшься. Когда вернулись Эва и Тео, они увидели их так: Реми и Найя сидели на полу, прислонившись друг к другу плечами, и Найя держала в руках кружку, которую Реми ей налил. На её лице не было широкой улыбки, но в глазах уже не было этого застывшего страха. Она просто дышала. И это было самое главное.

Позже, когда Найя уснула на диване, завернувшись в плед, а Эва тихо мыла чашки на кухне, Реми и Тео вышли на балкон. На улице всё ещё шёл снег, но уже не такой холодный, как днём.

— Знаешь, я всё время думал, что главное — это приехать, — тихо сказал Реми, глядя на мокрые крыши. — Что как только я окажусь здесь, я сразу пойму, что делать. А теперь я стою и думаю: а вдруг я только всё усложню? Вдруг ей нужно было, чтобы рядом был кто-то спокойный, а я весь на нервах.

Тео покачал головой.

— Ей нужно было, чтобы приехал тот, кого она знает с тех времён, когда мир был нормальным. Тот, с кем можно не быть сильной. Ты не усложняешь. Ты просто возвращаешь ей кусочек того времени, когда ей не было страшно.

Реми выдохнул, и этот выдох был долгим, будто из него выходила вся та паника, которая копилась в нём за это время.

— Тогда давай договоримся. Я буду тем, кто напоминает ей про старое. Про наши дурацкие приключения, про то, как мы в десятом классе пытались испечь пиццу и сожгли проти-

вень. Пусть она помнит, что до всех этих страхов у неё была жизнь, где она смеялась. А ты ты останешься тем, кто держит здесь реальность. Кто проверяет фонари, кто знает, какой дорогой безопаснее, кто просто сидит рядом, когда слова не нужны.

— Договорились.

Они не стали пожимать руки — вместо этого Тео хлопнул его по плечу, коротко, по-дружески, и сказал:

— Добро пожаловать. Теперь мы держим линию вместе.

А в комнате Найя чуть пошевелилась во сне, подтянула плед повыше, и на её лице мелькнуло что-то похожее на покой.

Именно в этот момент никто из парней не был противником или соперником. Они были на одной стороне против всех невзгод и проблем, объединились, чтобы защитить однуединственную и дорогую им обоим девчонку, которая из года в год борется, чтобы не сломиться под натиском своих страхов. Они оба знали, что дело не только в том случае и что им только предстоит узнать, насколько страшными были те события, но сейчас они тихо сидели рядом и следили за её тихим дыханием.

Солнце пробивалось сквозь щель между шторами, рисовало на полу светлые полосы. Найя пошевелилась, потянулась, будто проверяя: «А правда ли всё ещё спокойно?» — и открыла глаза. Первым она увидела Реми: он сидел на краю дивана, склонившись над телефоном, но тут же отложил его, заметив, что она проснулась. Его лицо сразу стало таким, будто он только что выдохнул после долгого-долгого вдоха.

— Привет, — тихо сказал он, будто боялся спугнуть утро. — Ты спала почти десять часов.

Найя моргнула, села, подтянув колени, и вдруг поняла, что не чувствует привычного утреннего комка в горле — того, который всегда появлялся первым, раньше даже мыслей.

— Правда? — она чуть улыбнулась, сама удивляясь этой улыбке. — Я я не помню, когда в последний раз так спала.

Тео стоял у окна, отодвинув штору на пару сантиметров, и смотрел, как снежинки медленно кружатся в воздухе и ложатся на подоконник. На стекле уже налип тонкий узор инея. Услышав её голос, он обернулся — не резко, а спокойно, будто всё шло ровно так, как и должно.

— Снег закончился, — просто сказал он.

Эва, которая как раз выходила из кухни с кружкой в руках, остановилась в дверях, будто хотела запомнить этот момент: Найя проснулась, и в её глазах не было той застывшей тени.

— Чай или какао? — спросила она, негромко, но твёрдо, как человек, который знает: иногда самое важное можно сказать через самые обычные вещи.

— Какао, — ответила Найя и вдруг почувствовала, как к горлу подступает что-то тёплое и немного щекотное — не страх, а благодарность. — Пожалуйста.

Когда Эва поставила кружку рядом с ней, Найя обхватила её ладонями, согреваясь, и посмотрела на всех по очереди: на Эву, которая всегда знала, когда нужно просто быть рядом; на Тео, который умел делать так, что даже тишина казалась надёжной; на Реми, который приехал через сотни километров, сквозь метели и стылые вокзалы, потому что не мог оставаться в стороне.

— Спасибо вам, — сказала она тихо, но так, чтобы услышали все. — За то, что просто были тут.

Реми чуть наклонил голову, будто эти слова были тяжёлыми и ценными, и их нужно было принять бережно.

— Я вообще почти ничего не сделал, — он улыбнулся, но улыбка вышла не весёлой, а какой-то очень спокойной. — Только сел на поезд посреди ночи, когда понял, что если ещё хоть один день буду писать тебе «я тут» из другого города, то просто сойду с ума.

Тео хмыкнул, но в этом хмыканье не было насмешки — только согласие.

— Ну, зато теперь ты тут. У нас хорошая команда.

— И не надо это обесценивать, — тихо сказала Найя, глядя на Реми. — То, что ты сорвался и приехал это для меня очень много значит. Ты не остался там, где тепло и спокойно. Ты приехал туда, где мне было тяжело.

Реми пожал плечами, будто пытался сделать вид, что это пустяк, но глаза у него потеплели.

— Это не подвиг. Это просто я не мог иначе.

Эва села на подлокотник кресла рядом с Найей, чуть коснулась её плеча — лёгким, почти невесомым движением, как касаются чего-то хрупкого, что наконец-то начало оживать.

— А ещё можно вообще ни о чём не говорить, — сказала она, глядя прямо на Найю, без жалости, без давления. — Можно про расписание автобусов. Про то, какой странный кофе сегодня в той кофейне у метро. Про что угодно, где нет ну, ты понимаешь. Или вообще молчать.

Найя сжала кружку крепче, но теперь не от напряжения, а от того, что тепло наконец-то добиралось до самых холодных уголков.

— Давайте про кофейню, — тихо предложила она. — Там ведь бариста всегда путает имена. В прошлый раз он назвал меня Лизой.

Тео тут же подхватил, будто только этого и ждал:

— О, это классика. В тот раз, когда мы с тобой туда заходили, он назвал меня дай вспомнить Сергеем. А я ему: «Я Тео». А он: «Точно, Сергей, я помню».

Реми закатил глаза, но уголки губ всё равно поползли вверх.

— Я думаю, у него там где-то висит табличка: «Называй всех случайными именами — так они больше улыбаются».

И Найя рассмеялась. Не громко, не на весь дом, а тихо, так, как смеются, когда напряжение наконец-то отпускает.

Эва улыбнулась и протянула Найе кусочек шоколадного кекса, который, оказывается, успела испечь, пока все спали.

— Вот. Для равновесия. Чтобы хорошего было чуть больше.

Найя взяла его, откусила и вдруг поняла: она не обязана прямо сейчас рассказывать про все моменты, которые преследовали ее многие годы, почему незнакомец или тропинка так болезненно отразились на ней. Не будет подбирать слова и извиняться за свою слабость, пугливость и чрезмерную нервозность. Потому что эти люди не требовали от неё вывернуть душу, чтобы доказать, что им можно доверять. Они просто сидели тут, пили какао, вспоминали смешные нелепицы — и этим самым возвращали ей кусочек обычного, безопасного мира. Однако к этому разговору они еще вернутся.

— Знаете что? — сказала она, когда доела кекс и поставила кружку на стол. — Сегодня можно мы просто погуляем? По тем улицам, где пахнет свежей выпечкой и где все витрины в огоньках. Просто чтобы посмотреть, как город выглядит утром, когда всё в снегу. Все вместе.

Тео тут же кивнул.

— Я знаю дорогу. Там ещё пекарня открывается в восемь. Можем взять круассаны. Снег там уже подмёл дворник, идти будет удобно.

Реми подмигнул.

— И я опять что-нибудь забуду. Паспорт, кошелек или, скажем, левый ботинок. Для атмосферы.

Эва рассмеялась, и этот смех был таким лёгким, будто с комнаты сдуло всю пыль.

— Главное, чтобы ты не забыл, куда мы идём.

Они все рассмеялись, и в этом смехе не было ничего героического. Но в нём было самое главное: она не одна. Что рядом есть люди, которые не станут заставлять её быть сильнее, чем она может сегодня. Которые просто пойдут рядом, купят круассан и будут говорить — пока мир снова не станет местом, где можно просто дышать.

Ребята вышли на улицу, и город встретил их свежестью, которая бывает только после ночного снегопада: воздух звенел от холода, а тротуары поскрипывали под ногами. Найя натянула шарф повыше, спрятав нос почти до самых глаз, и вдруг поймала себя на мысли, что ей не хочется ускорять шаг. Ей хотелось идти медленно, в такт этому тихому, заснеженному утру.

Реми тут же достал телефон и вытянул руку, пытаясь поймать всех в кадр.

— Так, все сюда! — скомандовал он, пританцовывая на месте, чтобы не замёрзнуть. — Улыбнитесь ну, или хотя бы не смотрите так, будто я прошу вас пешком обойти весь мир. Просто скажите «круассан»!

Тео закатил глаза, но всё равно чуть улыбнулся — не широко, а так, будто улыбка сама пробралась сквозь серьёзность.

— Я не улыбаюсь по команде.

— Зато ты улыбаешься, когда дают круассан, — подхватила Эва, подталкивая его локтем. — Так что давай, ради искусства.

Найя рассмеялась и прижалась плечом к Эве, чувствуя, как тепло от её куртки смешивается с морозным воздухом.

— Раз, два круассан! — выкрикнул Реми и щёлкнул.

На фото они все получились чуть взъерошенными, с искрами снега на ресницах и в волосах, а в глазах — не тревога, а что-то похожее на облегчение.

— Идеально, — довольно пробормотал Реми, разглядывая снимок. — Это будет заставка на телефон. Или даже на всю стену распечатаю каждому в квартиру.

— Только не на всю стену, — пробурчал Тео, но в голосе слышалась улыбка. — А то я буду просыпаться и каждый раз вспоминать, что меня заставили позировать.

Они дошли до пекарни как раз к открытию. Тёплый свет изнутри лился на заснеженный тротуар, смешиваясь с холодным сиянием утра, а запах свежей выпечки будто обнимал ещё до того, как они переступили порог. Друзья взяли горячий какао, круассаны с шоколадом, ещё тёплые, из печи, и устроились у окна, откуда было видно, как город просыпается: дворник неторопливо разметал снег, кошка осторожно ступала по сугробу, будто проверяя, выдержит ли, а первые машины оставляли на дороге тёмные полосы следов. После они гуляли ещё долго — не спеша, петляя по знакомым улицам, где каждый поворот хранил какую-нибудь маленькую историю: вот тут Эва однажды уронила стопку книг и они все помогали собирать; вот тут Реми пытался научить Найю скользить по льду и сам же первым плюхнулся в сугроб; вот тут Тео всегда останавливался, чтобы посмотреть на старые часы на башне, будто проверял, идёт ли время правильно. Они делали ещё фотографии: Реми ловил моменты, когда никто не позировал — когда Найя смеялась, запрокинув голову, и снежинки кружились вокруг неё; когда Тео на секунду забыл быть серьёзным и улыбнулся чему-то своему; когда Эва подняла воротник куртки и прищурилась от солнца, будто бросала зиме вызов. А потом, когда щёки покраснелись от мороза, а пальцы начали мёрзнуть даже в варежках, они повернули домой. Найя шла между Тео и Реми — не потому что боялась, а потому что так было теплее и уютнее. Эва шла чуть впереди, напевая себе под нос какую-то старую песню, и время от времени оборачивалась, проверяя: «Вы тут? Мы все тут?».

И они были тут. Все вместе.

Когда они поднялись к квартире, Найя остановилась у двери, посмотрела на всех и вдруг сказала:

— Спасибо. За то, что это утро было обычным. И в то же время — особенным.

Тео чуть наклонил голову, как будто принимая эти слова как что-то очень важное.

— Обычные дни — это тоже победа.

Реми обнял её осторожно, не стискивая, а просто давая почувствовать: «Я тут. Я никуда не исчезну».

— А завтра можем опять пойти гулять. Или вообще не идти и смотреть старые фильмы. Главное, чтобы ты знала: я не уеду просто так. Я теперь буду приезжать.

Эва взяла Найю за руку, сжала её крепко, но не сильно.

— И мы будем рядом. Не чтобы забрать твой страх. А чтобы ты знала: ты не одна с ним.

— Тогда заходите все, — тихо сказала Найя, доставая ключи и улыбаясь чуть шире, чем утром. — Я заварю ещё какао. И, может быть, мы посмотрим фильм.

И когда они вошли, закрыли за собой дверь, отрезав уличный холод, Найя вдруг поняла одну простую вещь: у неё есть команда. Её команда. И этого достаточно, чтобы сделать ещё один шаг, и ещё, и ещё — по заснеженным улицам, по обычным дням, по жизни, которая снова начинала казаться не пугающей, а своей.

Глава 7

На остаток каникул Реми поселился у Тео — в его квартире на небольшой раскладушке, которую они с трудом втиснули между шкафом и книжной полкой. Места было впритык, но Реми только пожимал плечами и улыбался:

— Зато я теперь живу в эпицентре всего. Если что-то случится — я первый узнаю. А если ничего не случится — тоже хорошо.

И он действительно был тут, с рассветом выходил из квартиры Тео и шел к девочкам. Каждое утро начиналось одинаково: Найя просыпалась и на долю секунды задерживала дыхание, боясь, что вчерашний день окажется сном. Боялась, что, когда она откроет глаза, Реми снова будет где-то далеко, за экраном телефона, и от его присутствия останется только строчка в чате: «Я тут, если что». Но на второй день, едва она вышла на кухню, её встретила его любимая улыбка — немного сонная, чуть кривоватая, зато настоящая. Он стоял у плиты, пытался одновременно держать сковородку и читать рецепт с экрана телефона и при этом умудрялся выглядеть так, будто готовит праздничный ужин, а не просто яичницу.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь, будто знал, что она стоит в дверях и смотрит на него, всё ещё не веря. — Я пытаюсь сделать шедевр. Или хотя бы не сжечь кухню. Выбирай, что тебе ближе.

Найя тихо рассмеялась.

— Я выбираю «не сжечь кухню».

Реми наконец повернулся, и в его глазах было столько тепла, что Найя вдруг почувствовала, как внутри что-то тихо щёлкнуло и встало на место.

— Тогда я постараюсь. Но не обещаю. У меня талант находить приключения даже в приготовлении тоста.

Тео, который сидел за столом с кружкой чая и делал вид, что не следит за этим кулинарным экспериментом, хмыкнул:

— Он уже сжёт тост. Дважды.

— Это был не поджог, это была особая степень прожарки, — возмутился Реми, но тут же снова улыбнулся Найе. — Но для тебя я сделаю идеальный. С капелькой мёда, как ты любишь.

Эва вошла, накинув на плечи тёплый плед, зевнула и тут же расплылась в улыбке, увидев их всех вместе.

— Так, если мы хотим дожить до обеда, я забираю плиту. А ты, Реми, можешь нарезать хлеб. Это безопасно.

Пока на кухне кипела самая обычная, но от этого не менее важная суэта, Найя тихонько достала телефон. Она не хотела ничего пропустить, не хотела, чтобы этот день рассыпался в памяти на отдельные обрывки. Ей хотелось сохранить его целиком — в деталях, в мелочах, в этих смешных, живых мгновениях. Она чуть присела на край стула, чтобы не мешать, и сделала первый снимок. На нём Реми стоял у разделочной доски с таким видом, будто от того, насколько ровно он нарежет хлеб, зависела судьба всего мира. Он хмурил брови, держал нож почти торжественно и время от времени бросал на всех строгий взгляд, словно предупреждая: «Не отвлекайте. Тут нужна концентрация».

Найя тихо хихикнула, и Реми тут же обернулся, всё ещё с этим серьёзным лицом.

— Что? — прошептал он, не опуская ножа. — Хлеб — это серьёзно. Если ломтики будут разной толщины, баланс утра нарушится.

— Баланс утра, — протянула Найя, пряча улыбку, и щёлкнула ещё раз, поймав тот момент, когда он попытался сохранить суровость, но уголки губ всё-таки дрогнули.

Рядом Эва хозяйничала у плиты. Сковорода шипела, яичница подрумянивалась, а Эва стояла, чуть расставив ноги, будто готовилась к решающей битве — и побеждала в ней с блес-

ком. На её лице играла улыбка победителя: она явно чувствовала себя королевой этой кухни. Найя поймала этот кадр: Эва с лопаткой в руке, в фартуке, который был ей великоват, но она носила его с такой гордостью, будто это королевская мантия.

— Ну как? — Эва скосила глаза на Найю, не переставая помешивать. — Я в кадре выгляжу как человек, который точно не сожжёт завтрак?

— Ты выглядишь как человек, который спасёт мир ну, или хотя бы накормит четверых голодных друзей, — ответила Найя и снова нажала на кнопку.

А чуть в стороне, у дверного проёма, стоял Тео. Он не вмешивался, не командовал, не торопил — просто наблюдал за всей этой картиной. В его взгляде было что-то очень спокойное, почти бережное: он смотрел на них, на эту суету, на то, как они все во что-то играют, и в его глазах читалось тихое понимание — «Вот оно. Вот то, ради чего стоит просыпаться по утрам». Найя сделала ещё один снимок, стараясь не привлекать внимания. Тео стоял, слегка опершись плечом о косяк, скрестив руки, и выглядел так, будто охранял этот маленький, уютный мир, который они сейчас строили прямо здесь, на этой кухне.

Когда она опустила телефон, Тео чуть приподнял бровь, будто спрашивая: «Что-то интересное?», но не стал ничего требовать, не стал просить показать.

Найя улыбнулась и тихо сказала:

— Просто хочу запомнить.

Тео чуть наклонил голову, и в этом движении было столько тепла, что Найя почувствовала, как внутри снова что-то тихо встаёт на место.

— Пусть будет, — просто сказал он.

Реми тут же выпрямился, снова став предельно серьёзным.

— Я готов. Ломтики уже почти идеальны. Почти.

Эва фыркнула, но тут же снова расплылась в улыбке.

— А я готова объявить: завтрак почти готов! Так что пусть твои ломтики будут идеальными, потому что к ним полагается идеальная яичница.

Они рассмеялись, и этот смех был таким домашним, таким своим, что Найя вдруг поняла: эти фотографии — не просто снимки на память. Это маленькие якоря. Они будут напоминать ей, что даже в самые тёмные дни есть свет — в виде друзей, которые режут хлеб с серьёзным видом, жарят яичницу как на соревновании и просто стоят рядом, держа всё вместе.

И когда они наконец сели за стол, когда перед каждым стояла тарелка, кружка, кусочек хлеба, который Реми всё-таки нарезал идеально, Найя посмотрела на них всех и тихо сказала:

— Спасибо. За это утро. За этот завтрак. За то, что вы такие.

Реми поднял кружку с какао, будто собирался произнести тост.

— За баланс утра! — торжественно провозгласил он.

Эва закатила глаза, но тоже подняла свою кружку.

— За яичницу, которая не сгорела.

Тео, чуть улыбнувшись, присоединился к ним.

— За то, что мы тут. Вместе.

А Найя подняла свою кружку и подумала: «И за фото, которые я сделала. За каждый из этих кадров. За каждый миг, когда я наконец-то могу просто быть здесь — и знать, что я не одна». Они чокнулись кружками, и в этом простом жесте было столько тепла и поддержки, что казалось, будто даже мороз за окном отступает, не в силах пробиться сквозь эту стену из смеха, заботы и дружбы. Они смеялись, спорили, кто будет мыть посуду, а кто — расставлять чашки, и в этой обычной суе Найя наконец-то поверила: это не сон. Реми здесь. Не на пару часов, не «заскочить на минутку», а по-настоящему. На все каникулы.

После завтрака, когда тарелки были убраны, а кружки вымыты, Реми хлопнул в ладоши, будто объявлял важное заседание.

— Так, у нас есть план, — заявил он, усаживаясь на подлокотник дивана и поправляя плед, который тут же начал сползать. — День кино. Полный марафон. Без спешки, без суеты. Только мы, фильмы и горы всякой еды, которую мы ещё не придумали, но обязательно придумаем.

Эва тут же подняла руку, будто на уроке.

— Я за еду. Без еды кино — не кино. Нужен попкорн. И ещё что-нибудь хрустящее. И, может быть, что-то сладкое. Для баланса.

Тео, который уже тянулся к пульту, хмыкнул:

— Ты хочешь превратить гостиную в склад снеков.

— Именно, — серьёзно кивнула Эва. — Это стратегический запас. На случай, если фильм окажется слишком напряжённым и придётся срочно заедать стресс.

Найя тихо улыбнулась, глядя на эту привычную, уютную перепалку. Ей вдруг стало легко — будто весь мир сжался до этой комнаты, где спорят о попкорне, а не о чём-то страшном.

— А какой фильм будем смотреть? — тихо спросила она, садясь на пол и подтягивая к себе подушку.

Реми задумался, уставившись в потолок, будто там были написаны все фильмы мира.

— Что-то хорошее, — наконец сказал он, опуская взгляд на Найю. Или хотя бы где герои просто стараются быть добрее друг к другу.

Тео кивнул, соглашаясь.

— Есть один. Старый. Про город, где никто никому не верит, а в конце все вдруг начинают верить. Там ещё кот постоянно падает с подоконника, и это почему-то самое смешное.

Эва рассмеялась.

— Звучит идеально. Кот, который падает, спасает лучше любого супергероя.

Пока Тео настраивал телевизор, Эва убежала на кухню и вскоре вернулась с большой миской попкорна, тарелкой с нарезанными яблоками и ещё одной — с шоколадными конфетами.

— Баланс, — пояснила она, расставляя всё на журнальном столике. — Солёное, сладкое, полезное ну, почти полезное.

Реми тем временем устроил из подушек и пледов нечто вроде уютного гнезда прямо на полу.

— Места всем хватит, — объявил он, хлопая по мягкому месту рядом с собой. — Найя, ты в центре. Чтобы мы могли в любой момент тебя чем-нибудь угостить и сказать: «Смотри, тут смешной момент».

Найя села, чувствуя, как её окутывает тепло — не только от пледа, но и от того, что все они здесь, рядом, и стараются сделать этот день таким, чтобы в нём не осталось места страху. Когда фильм начался, в комнате стало тихо. Только изредка хрустел попкорн, да Эва тихо шептала: «Вот сейчас кот упадёт» — и каждый раз, когда это случалось, они все дружно смеялись, будто видели это впервые. В какой-то момент Найя поймала себя на том, что улыбается просто так, без усилия. Она посмотрела на друзей: Реми, который жестикулировал, будто сам был в фильме и мог что-то подсказать героям; Эву, которая то и дело подкладывала ей в ладонь конфету; Тео, который сидел чуть в стороне, но так, чтобы видеть всех, будто держал эту маленькую крепость в порядке. И вдруг ей захотелось снова достать телефон. Не чтобы поймать какой-то особенный момент, а просто чтобы запомнить эту тишину, этот смех, это ощущение, что она дома — даже если дом сейчас — это гостиная с пледами, попкорном и старым фильмом на экране. Она тихо щёлкнула пару раз: на одном фото все тянулись к миске с попкорном одновременно, будто устроили соревнование; на другом — Тео пытался выглядеть серьёзным, но в глазах у него плясали смешинки; на третьем — Реми шептал Найе что-то на ухо, и она смеялась, прикрывая рот ладонью.

Когда она опустила телефон, Реми скосил на неё глаза.

— Опять фотографируешь наши великие киношные моменты?

Найя кивнула, не стыдась.

— Хочу помнить. Хочу, чтобы, если потом станет холодно, я могла открыть галерею и увидеть: вот мы едим попкорн, вот кот падает с подоконника, вот ты шепчешь мне, что сейчас будет смешно, и правда становится смешно.

Реми чуть наклонился к ней, негромко, чтобы не мешать остальным.

— Тогда я буду шептать это каждый раз. Даже если ты знаешь фильм наизусть. Даже если кот падает уже в десятый раз. Я буду говорить: «Сейчас будет смешно». Потому что мне важно, чтобы ты смеялась.

Тео, услышав это, чуть улыбнулся, не отрывая взгляда от экрана.

— И я буду сидеть тут. Чтобы, если вдруг станет не смешно, ты знала: я всё равно тут.

Эва протянула Найе ещё одну конфету, будто это было самое важное лекарство на свете.

— А я буду следить, чтобы у нас никогда не заканчивался попкорн. Это моя миссия.

И Найя снова улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и спокойное. Фильм шёл, кот снова упал, и они все опять рассмеялись — на этот раз чуть тише, потому что смех уже не был попыткой прогнать страх, а стал просто радостью от того, что они вместе. А потом, когда титры поползли по экрану, никто не спешил вставать. Они сидели, укутанные в пледы, доедали последние кусочки попкорна и тихо обсуждали фильм: кто кому больше понравился, какой момент был самым смешным, стоило ли коту вообще забираться на подоконник.

— Давайте посмотрим ещё один? — предложила Эва, уже потирая руки, будто планировала новый штурм кухни. — Только короткий. Чтобы успеть до темноты.

Тео чуть приподнял бровь.

— Если только ты обещаешь не съесть весь шоколад до середины.

— Обещаю почти, — хитро улыбнулась Эва.

Реми потянулся, зевнул, но тут же снова стал серьёзным.

— Второй фильм — моя зона ответственности. Я выбираю. Но с условием: Найя должна сказать, что ей хочется. Хоть мультик, хоть про пиратов, хоть про говорящих собак.

Найя посмотрела на них всех, на эту уютную суету, на то, как они стараются сделать её день светлее, и тихо сказала:

— Давайте про собак. Пусть они будут добрыми и всё в конце будет хорошо.

— Принято, — торжественно кивнул Реми. — Про добрых собак. Идеальный выбор.

И они снова устроились поудобнее, включили следующий фильм, и комната опять наполнилась тихим смехом, хрустом попкорна и ощущением, что, пока они вместе, даже самый холодный зимний день может стать тёплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.